

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ОСНОВАНИЯ БЕЛОРУССКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Посвящена выявлению социокультурных оснований белорусской идентичности. Отмечается особенность белорусской ментальности и основных категорий мышления. Описывается уникальный характер белорусской культуры в контексте восточнославянской цивилизации.

The article is devoted to revealing social and cultural foundation of Belarusian identity. The characteristic features of Belarusian mentality and basic categories of mind are mentioned. The unique character of Belarusian culture is described in the context of Eastern-Slavic civilization.

Проблема социокультурной идентичности всегда являлась одной из магистральных линий рефлексий о статусе и роли этноса, народа или нации. Особую значимость данная тема приобретает в рамках происходящих глобализационных процессов, когда национальное растворяется в общечеловеческом и актуализируется перспектива «ускользающей» идентичности. Чтобы социум не стал заложником полифонии интеркультурного взаимодействия, необходимо обладать собственным звучанием. Поэтому важно являться полноценным участником полилога, маркировать свое присутствие в глобальной системе координат и обладать единым, целостным фундаментом, который представляет собой базу для самоидентификации. Она необходима не только для определения собственного статуса в мировом сообществе, но в первую очередь для самоорганизации и обретения себя как общности, обладающей культурно-генетическим кодом.

Именно поэтому представляется весьма актуальным проанализировать и выявить особенности белорусской идентичности. Интерес зиждется на том, что на протяжении многих десятилетий белорусская народность и культура идентифицировалась не с собственными автохтонными чертами и признаками, а размывалась в едином

восточнославянском суперэтнотипе, в рамках которого нивелировалась индивидуальность и самобытность культуры. Сегодня все большую значимость и актуальность приобретает идея, что наличие общего, единого организма восточного славянства отнюдь не противоречит присутствию в нем индивидуальных черт русской, украинской и белорусской культур. Поливариативность восточного славянства создает более объемный и многогранный образ суперэтнотипа. Каково же измерение именно белорусской идентичности: национальное, религиозное, этническое или социокультурное? Следует отметить, что сегодня вопросов, связанных с белорусской историей, государственностью и культурой, существует намного больше, чем ответов. Данное обстоятельство еще более актуализирует рефлексии, связанные с определением пути формирования белорусской культуры, категорий мышления белорусского народа. Это, в свою очередь, позволит определить общее и специфическое по отношению к восточному славянству и выявить социокультурные основания белорусской идентичности.

Важно отметить, что сегодня белорусская культура непосредственно испытывает на себе влияние двух альтернативных полюсов: Запада и Востока. Межцивилизационное пограничье опре-

деляет маргинальный статус белорусской культуры. Влияние восточно- и западноевропейской культур конституирует особый образ и колорит Беларуси. Это перманентно отражается в различных сферах функционирования государства. Вместе с тем волей исторических событий ни в одну культуру пограничья Беларусь полностью не интегрирована. Имманентное присутствие двух начал в религии, искусстве, образе жизни, картине мира создает уникальную ситуацию: отказавшись или преодолев одно из начал, белорусская культура теряет свою самобытность.

Основание амбивалентности белорусской культуры обнаруживается в ее этногенезе, когда с VIII в. до н. э. по VIII в. н. э. осуществляется Великое переселение народов, завершает которое славянизация балтов. Более развитое сельское хозяйство, орудия труда и социальная организация славян консолидируют сосуществование двух этносов. На основе их ассимиляции возникают племена дреговичей, радимичей, кривичей, ставшие основанием белорусской народности. В соответствии с «Повестью временных лет» кривичи являлись тем этническим фундаментом, на котором выстраивается первое белорусское раннефеодальное государство – Полоцкое княжество¹. Ранее в соответствии с определенными идеологическими представлениями сторонниками идейного течения западнорусизма (К. Говорский, Л. Солоневич, М. Ткачев) автономность Полоцкого княжества была искусственно закамуфлирована. Но сегодня известно, что Киевская Русь никогда не представляла собой единого и сплоченного государства как в этническом, так и в политическом контексте. Более того, формирование этнических групп белорусов, украинцев и русских происходило на различных территориях. Как Новгород, Ростов, Рязань, так и Полоцк до XIII в., за исключением 980 и 1129 гг., не являлись частью Киевской Руси и были ориентированы на поддержание суверенной власти². Безусловно, это не отрицает экономических и культурных связей Киевской Руси с княжествами. Тем не менее сегодня большинство историков соглашаются с тем, что Полоцкое княжество, в котором ранее других княжеств началась и завершилась феодальная раздробленность, является той основой, на которой зиждется белорусская государственность.

Авторитет Полоцка был достаточно высоким, что подтверждается не только торговыми отношениями с Арабским Халифатом, Западной Европой, Скандинавией, но и политическими связями с европейскими странами. Полоцк всегда стремился к независимости, что доказывает возникновение в княжестве самостоятельной христианской епархии в 992 г. Следует отметить, что присущий и мифологизированный принцип белорусской толерантности проявляется именно в процессе христианизации. Ведь вместе с визан-

тийским обрядом христианства на территории Беларуси распространяется и римский обряд (Туровское княжество). Веротерпимость проявляется и в существовании двоеверия, и в уникальности униатской церкви, которая сохраняла восточный обряд, но признавала верховенство Римского Папы. Например, конфессиональная структура населения Беларуси перед разделением Речи Посполитой выглядела следующим образом: греко-католиков (униатов) – 75 %, римокатоликов – 18 %, православных – 6,5 % и кальвинистов – 0,5 %³, т. е. веротерпимость для белорусов являлась атрибутом толерантности. Это подтверждается фактом отсутствия войн религиозного характера внутри белорусского общества, за исключением политизированных религиозных конфликтов после Люблинской унии. Трансцендентность божественного абсолютного начала христиан не исключала возможности существования языческих богов. Ведь христианство на территории Беларуси, как и в целом на территории восточного славянства, распространяется на основе укоренившихся языческих верований. Сознание белоруса X в. – не «*tabula rasa*», оно включало в себя систему антропоморфных, анимистических представлений, которые определяли быт, образ жизни, трудовую деятельность белорусов, что выражалось даже в специфике циклической модели ощущения времени. В сознании белорусов постепенно закрепляется монотеистическая вера. Под влиянием христианства утверждается идея равенства перед Богом в этническом и сословно-имущественном смыслах. Толерантность белорусов базируется также и на полиэтничности населения. Известно, что на территории Великого Княжества Литовского в начале XVI в. проживали немцы, татары, поляки, русские, евреи с общей численностью населения около 700–800 тыс. Так, толерантность для белорусов являлась ничем иным, как признанием существования и значимости иного. Религиозный и этнический релятивизм для Беларуси – эта нить, которая связывает ее прошлое и настоящее. Сегодня в официальный календарь государства занесены такие даты, как Рождение и Воскресение Христа, и по григорианскому, и по юлианскому календарям, отмечаются такие языческие праздники, как Деды, Радуница. А если взглянуть на этническую структуру, то обнаруживаются десятки различных этнических групп и диаспор. Полиэтничность и поликонфессиональность объясняют отсутствие мессианской идеи абсолютной единой власти, претендующей на универсальность, которая была характерна для русской идеи «Москва – III Рим». Религиозная и этническая толерантность для ВКЛ и Речи Посполитой представляла собой не столько должное, сколько действительное. Склонность к компромиссам, отсутствие чувства религиозного превосходства обнаруживаются и в обыденном

сознании, и на уровне государственной идеологии. Так, идея социального равенства и справедливости зафиксирована в Статуте 1588 г. ВКЛ⁴. Толерантность для белоруса не просто терпимость, но и уважительное отношение к другому, чьи ценности имманентно интегрировались и ассимилировались в культуре. Резюмируя на данном этапе, можно отметить, что для белоруса толерантность является важнейшим компонентом этнонационального менталитета, на основе которого формируется архетип «гостеприимного соседа». Поэтому толерантность как признание инаковости выступает непосредственным идентификационным признаком, позволяющим обозначить образ белоруса как со стороны взгляда Другого, так и в контексте саморефлексии.

Вместе с тем толерантность в восприятии и отношении к другой культуре или религии отнюдь не признак конформизма. В силу геополитического положения Беларусь часто являлась заложником военных действий, инициирующих ее активное соучастие. «Вызов» со стороны крестоносцев, московского царства активизирует чувство патриотизма и сопричастности к родной земле. Тем не менее белорусский народ не является воинствующим народом. В Беларуси на протяжении ее истории культивируется не образ мужчины-воина, а образ селянина. На основе аграрного способа жизни формируются сезонно-природные виды деятельности, а также циклическое восприятие действительности, что приобщает белорусов к восточному славянству. Даже конструированный архетип «Беларуси-партизанки» говорит не об активном воинствующем духе белоруса, а о нежелании покоряться, предавать свою землю. Идея свободы и борьбы за независимость во многом актуальна для нашего государства по причине традиционного характера культуры: нежелание изменять устоявшиеся нормы и правила связано с консервативностью аграрной культуры белорусов. Большое значение также сыграло геополитическое расположение. Беларусь зачастую являлась плацдармом для разрешения политических вопросов. Особенно это проявилось в XVII–XVIII вв., когда на ее территории почти непрерывно велись войны. Следует отметить, что военные сражения оказали существенное влияние не только на уровень жизни белорусов и количество населения (например, после войны в 1654–1667 гг., так называемого «кровавого потопа», население Беларуси уменьшилось на 47 %), но и на формирование государственности⁵. Здесь можно обозначить общее для белорусов и восточнославянского суперэтноса. Статус межцивилизационного пограничья восточных славян предопределил тот факт, что народы этноса постоянно подвергались нападениям со всех сторон Евразийского континента. Поэтому особенностью восточнославянского этногенеза является то обстоятельство, что перспек-

тива развития одного народа зависела от пространства, на котором располагался другой народ. Перед восточными славянами зачастую возникала перманентная необходимость в обороне, что инициирует важность не только социокультурного единства, но и политического, способного противостоять врагам. Поэтому фундаментом для создания и развития государственности выступала необходимость в центробежной политической силе, аккумулирующей этнические сообщества и конструирующей единую систему ценностей. Например, необходимость борьбы с внешней угрозой становится одной из доминирующих предпосылок объединения и создания ВКЛ, а затем и Речи Посполитой.

Многочисленные военные сражения также повлияли и на специфику белорусского менталитета. Толерантность как терпение к инакомыслящим трансформируется и дополняется новой интерпретацией. Культивируется терпимость к лишениям. Это влияет на формирование таких амбивалентных ментальных качеств, как способность к борьбе и умеренность, переплетающихся в образе белоруса и инициирующих освоение новых категорий мышления: жизнестойкости, долготерпения. Воспитывается и развивается способность органически приспосабливаться к изменяющимся условиям. Вместе с тем нельзя однозначно утверждать, что белорусский народ слабый и безынициативный. «Молчаливость» белоруса отнюдь не есть проявление покорности, а является атрибутом его замкнутости и неопределенности. Ведь влияние политических сил, религий и культур Польши и России конструирует маргинальный статус автохтонной белорусской культуры. Систематичные процессы денационализации, проявлявшиеся в рамках колонизации или русификации, радикально изменяют образ белорусской элиты, в которой четко проявляется линия разделения на два альтернативных лагеря. Отсутствие общности и единства в белорусской элите, безусловно, не способствовало укреплению самосознания и самоидентификации. Поэтому можно отметить, что геополитическое положение повлияло не только на формирование государственности, но и на этнонациональный менталитет. Полиэтничность, перманентные сражения и нестабильность политической конъюнктуры инициируют формирование так называемой «тутэйшасці» белорусов, в соответствии с которой белорус не идентифицировал себя с конкретной властью, а определял свою сопричастность к социуму, расположенному на определенной территории.

Таким образом, можно резюмировать, что для белоруса как для «тутэйшага селяніна», проживающего на территории с поликонфессиональным и полиэтничным населением и испытывающего на себе влияние культур Запада и Востока,

национальная идентичность не играла доминирующего значения. Это определяет уникальность белорусской культуры в контексте восточного славянства. Белорус чаще всего идентифицирует себя не столько с определенной нацией, сколько с сопричастностью к месту, поэтому мыслит категориями «тут» и «здесь», что определяет его принадлежность к традициям и родной земле. Так формируется архетип «родного края». В контексте обозначенных ментальных особенностей, таких как толерантность, «тутэйшасць», представляется возможным говорить именно о социокультурном основании белорусской идентичности.

Актуальны ли другие измерения белорусской идентичности? В соответствии с влиянием христианизации на белорусскую культуру можно обозначить религиозный принцип самоидентификации и говорить непосредственно о ее религиозном измерении. Ведь христианизация по греко-византийскому образцу привносит ряд существенных трансформаций в ценностные ориентации белорусов, развивается тяга к созерцательности и интуитивности, усиливается чувство единства, духовного родства людей, конструируется система представлений о справедливости и социальной гармонии. Эксплицитный религиозный формат идентичности белорусов, безусловно, включает в себя и факт существования униатской церкви, так как ни одна христианская культура не обладала столь самобытной конфессией. Необходимо отметить, что религиозная форма идентификации белорусской культуры коррелирует с общей интенцией самоидентификации восточных славян, что определяет формирование единого идентификационного пространства суперэтнуса. Более того, православие является одним из признаков, на основе которого в мировом сообществе выделяют самобытный тип восточнославянской цивилизации⁶. Религиозный формат идентичности особенно актуален сегодня в условиях атеистического прошлого постсоветских государств. Таким образом, религиозная идентичность предлагает не просто соотнесенность с определенными моральными устоями, но и определяет форму и приоритеты сообщества.

Одним из важнейших измерений идентичности белоруса является его экофильная ориентация. Территория современной Беларуси долгое время была зоной преимущественно аграрного хозяйствования, и, более того, сформировался образ белорусской крестьянской культуры как «мужицкого народа». Природа выступала не просто как среда обитания, но и как сфера реализации хозяйственной деятельности, а также источником средств к существованию. В самой практике природопользования имманентно растворялся исторический и социальный опыт, форма деятельности, знания и навыки⁷. Конституируется императив гармоничного сосуществования

человека и природы. Вместе с тем, несмотря на схожесть в уважительном отношении к природе и общность в понимании ее статуса и значимости, что, безусловно, сближает антропоприродные ориентации белоруса с экологическими ценностями восточного славянства в целом, природные условия труда белоруса заметно отличаются, например, от русского типа хозяйствования. Сложные природно-климатические условия, пространственный размах, отсутствие излишков продуктов земледельческой деятельности долгое время ориентировали великоросса на коллективный образ жизни. Отдельный человек ориентировался как на синкретичное единство с природой, так и с общиной, что впоследствии под влиянием православной культуры будет отражено в идее соборности. В белорусской традиции землепользования также развит принцип коллективизма, но вместе с тем развита и хуторская модель, базирующаяся во многом на локальности территории. Подсечно-огневой тип земледелия подразумевал взаимопомощь в труде, но в меньшей степени, нежели в русской традиции. Коллективизм для белоруса проявлялся в форме громады, сельской или соседской общины, возникшей на основе необходимости регулирования практики землепользования, организации труда и быта. Специфической формой действий громады являлась толока, которая понималась как совместный труд или коллективная помощь в хозяйственной работе. В толоке проявляются черты коллективного общинного быта, но тем не менее он несколько отличается от русской идеи коллективности. Безусловно, принцип коллективизма в определенное время является условием развития и выживания любой социальной общности, вместе с тем обнаруживаются и существенные различия в специфике его формирования. Для русской ментальности характерен коллективизм общинного типа, а для белорусов, в свою очередь, коллективизм является скорее совокупностью норм, правил поведения в условиях совместной деятельности. Данные правила ориентируют «на приоритет другого человека, прежде всего родича, «сваяка», в межличностном поведении»⁸. Коллективизм белоруса непосредственно связан с обозначенным выше принципом толерантности: для белоруса не характерен радикализм в отношениях к обществу, другому. Отличие белорусской и русской традиций хозяйственной деятельности также основывается и на разнице лесной и степной природных зон. По мнению известного исследователя Г.В. Вернадского, это оказало существенное влияние на агротехнические методы ведения хозяйства, что в результате привело к заметной разнице в природопользовании⁹. Необходимо отметить, что, несмотря на отличительные особенности белорусов и русских в практике природопользования и понимании фундаментального принципа коллек-

тивизма, современные антропоприродные ценности культур в значительной мере сохраняют специфические черты традиционной культуры. Это фиксируется в патриотических образах, моральных нормах эстетических представлений и, что весьма важно, в креативных программах познавательной и преобразовательной деятельности. Формируются такие ценностные приоритеты в социоприродных отношениях, как гармоничность, взаиморасположенность человека и природы, самоценность природы. Особая значимость такого коэволюционного типа отношения выявляется сегодня, в эпоху экологической нестабильности и нарастания глобальных проблем в условиях современной социодинамики.

Таким образом, анализ социокультурных особенностей развития белорусов позволяет обозначить основные измерения белорусской идентичности. В условиях перманентной трансформации социальной и политической конъюнктуры доминирующее значение в идентификации белорусов принадлежит ее социокультурному измерению. Среди наиболее значимых категорий белорусского мышления можно выделить категории места «тут» и «здесь», а также «родны край» и «пограничье», времени – цикличность, самоопределения – «тутэйшасць», «мужыцкасць», толерантность, умеренность, долготерпимость. Не менее важную роль в процессе идентификации белорусской культуры играют религия и экофильная ориентация, которые определяют как

уникальность культуры, так и ее корреляцию с восточнославянской цивилизацией. Особые специфические черты белорусов маркируют конкретный статус народа в системе межкультурных отношений как самобытной общности, обладающей культурно-генетическим кодом. Вместе с тем белорусская культура не растворяется в условиях современной цивилизационной динамики, а является непосредственной частью восточного славянства, определяющего ее значимость в системе межкультурных координат.

¹ См.: Повесть временных лет / Под ред. В.П. Андрияновой. СПб., 1996.

² См.: Ермаловіч М.І. Старажытная Беларусь: Полацкі і Наўгародскі пераходы. Мн., 1990.

³ См.: Біч М. Гістарычны шлях беларускай нацыі і дзяржавы. Мн., 2006.

⁴ См.: Статут Вялікага Княства Літоўскага 1588 / Пер. А.С. Шегун. Мн., 2005.

⁵ См.: Невядомая Беларусь / Пад рэд. В. Акудовіча, А. Анціпенка. Мн., 2008.

⁶ См.: Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М., 2007.

⁷ См.: Антология экологической мысли: Восточные славяне / Науч. ред. А.И. Зеленков. Мн., 2003.

⁸ Кирвель Ч.С. Современные глобальные трансформации и проблема исторического самоопределения восточнославянских народов. Гродно, 2008.

⁹ См.: Вернадский Г.В. Киевская Русь. Тверь; М., 2004.

Поступила в редакцию 14.11.09.

Ольга Владиславовна Батраева – аспирантка кафедры философии и методологии науки. Научный руководитель – доктор философских наук, профессор А.И. Зеленков.